УДК 81

Makarova E.A., *junior researcher, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), E-mail: antaresselen@mail.ru.*

THE DATABASE "LANGUAGES OF THE WORLD" AS A TOOL OF CLASSIFICATION OF LANGUAGES-ISOLATES. The article regards seven language isolates included in the fourth version of the "Languages of the World" database: Ainu, Nivkh, Burushaski, Sumerian, Elamite, Hattic, and Korean. So far classic method of comparative linguistics have been unable to give a clear answer on the genetic classification of these languages. The paper looks at the existing hypotheses on the classification of the language isolates and formulates the main goal of the study to be: prove one of the hypotheses or suggest a new one. 173 languages from the "Languages of the World" database are chosen as the study material. Each of the languages is pairwise compared to the others, and only pairs that satisfy the parameters of two-objective optimization established in our previous study are chosen for further analysis. Next for each language the researcher chooses three pairs with the highest percentage of matching feature values. Graphic representation of the received data allows separating the area of pairs of related languages from the area that includes pairs of both related and unrelated languages. The results of the study help hypothesize that Korean belongs to the Mongolic family. It does not contradict the most popular hypothesis that classifies Korean with Altaic macrofamily, and has also been outlined in previous studies.

Key words: **Language isolate, "Languages of the World" database, language classification, Korean, Mongolic languages.**

Е.А. Макарова, *мл. науч. сотр., Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, E-mail: antaresselen@mail.ru*

БАЗА ДАННЫХ «ЯЗЫКИ МИРА» КАК ИНСТРУМЕНТ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ-ИЗОЛЯТОВ

Исследование было поддержано грантом РФФИ №19-012-00476 А

Статья посвящена семи языкам-изолятам, представленным в четвертой версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН: айнскому, нивхскому, бурушаски, шумерскому, эламскому, хаттскому и корейскому. До сих пор классические методы сравнительно-исторического языкознания не дали четкого ответа о происхождении и генетической принадлежности этих языков. В работе рассматриваются существующие гипотезы о классификации этих языков-изолятов и формулируется главная цель исследования – подтверждение существующих гипотез или предложение новой. В качестве материала для исследования выбрано 173 языка из базы данных «Языки мира». Каждый из этих языков попарно сравнивается с остальными, и для анализа отбираются только те пары, которые удовлетворяют установленным в предыдущем исследовании параметрам двухкритериальной оптимизации. В ходе дальнейшего анализа для каждого языка отбираются по три пары с наивысшим показателем совпадающих значений признаков. Отображение полученных данных на графике позволяет разграничить область только пар родственных языков и область, включающую как пары родственных языков, так и пары языков, принадлежащих разным семьям. Результаты исследования позволяют высказать гипотезу о принадлежности корейского языка к монгольской семье, что не противоречит самой популярной гипотезе, относящей корейский язык к гипотетической алтайской макросемье, и подтверждается предыдущими исследованиями.

Ключевые слова: **язык-изолят, база данных «Языки мира», классификация языков, корейский язык, монгольские языки.**

Многие лингвисты считают, что все языки произошли от одного общего праязыка, поэтому изучение и попытки поиска родственников для языков-изолятов становятся целью многочисленных исследований. Языки-изоляты, в отличие от неклассифицированных языков, имеют достаточно полное описание, но при этом не находится убедительных доказательств их принадлежности одной из известных семей.

Среди основных причин существования языков-изолятов можно выделить следующие: долгое существование в изоляции после отделения от праязыка и отсутствие знаний о ныне вымерших родственниках. Например, кетский язык – единственный живой представитель енисейской семьи. Если бы другие енисейские языки исчезли без следа, кетский считался бы языком-изолятом [1]. Таким образом, можно сказать, что каждый язык-изолят является представителем семьи, включающей всего один язык.

Тем не менее ученые не оставляют попыток классификации изолированных языков, и они приносят свои плоды. Например, долгое время считавшийся изолированным австралийский язык янува теперь включается в пама-ньюнганскую семью [2], а японский язык стали относить к японо-рюкюским языкам [3]. Это объясняет интерес исследователей к изолированным языкам и дает надежду на то, что попытки поиска родственных семей для таких языков когда-нибудь увенчаются успехом.

В данной работе будут рассмотрены некоторые языки-изоляты, известные гипотезы и предположения об их возможной генеалогической принадлежности, проведено исследование, которое поможет подтвердить одну из существующих гипотез или предложить новую.

В 2020 году была выпущена 4-ая десктоп-версия базы данных «Языки мира» ИЯз РАН (База данных доступна для скачивания с официального сайта Ияз РАН: https://iling-ran.ru/web/ru/news/201008_langworld). В ней сохранился основной функционал предыдущих версий: генеалогический, географический и признаковый указатели с возможностью навигации и мастер-запросов, работающий по неограниченному количеству параметров поиска [4]. При этом была кардинально пересмотрена система представления данных и осуществлен переход от иерархического к парадигматическому представлению. Это позволило избавиться от неоднозначности предыдущих версий, когда «0» мог означать как отсутствие в языке конкретного признака, так и отсутствие данных, и сделало базу данных более удобным инструментом для квантитативных исследований.

Признаковое пространство охватывает 14 разделов: (A) фонемный состав, (B) просодические явления, (C) слог, (D) фонологическая структура и явления, (E) морфологический тип языка, (F) именные классификации, (G) число, (H) падежные значения, (I) глагольные категории, (J) дейктические категории, (K) части речи и словоизменение, (L) словообразование, (M) простое предложение и (N) сложное предложение. Языки в базе данных описываются по 124 признакам из этих категорий, каждый из которых может иметь от 2 до 24 вариантов значения (в среднем – 9). В табл. 1 приведен пример признаков и значений.

Таблица 1

Пример признаков и значений в базе данных «Языки мира» ИЯз РАН

Признак	Возможные значения[2]
C-1[1]. Начальный согласный в слоге	Обязательно имеется
	Запрещен
	Большинство слогов прикрытые
	Большинство слогов неприкрытые
	Есть прикрытые и неприкрытые слоги
K-7. Типы глагольного согласования	Глагольное согласование отсутствует
	Субъектное
	Субъектное и объектное
	Субъектное и субъектно-объектное

Примечания. 1. Буква означает раздел, к которому относится признак (от A до N), цифра – порядковый номер признака в разделе. 2. У языка может быть только одно из значений, которое описывает все присутствующие в нем явления.

На момент написания данной статьи в базе данных «Языки мира» ИЯз РАН представлено 173 языка из 17 семей, и ведется активная работа по добавлению новых языков. Кроме того, в нее включены семь языков-изолятов: айнский, нивхский, бурушаски, шумерский, эламский, хаттский и корейский. Ниже мы рассмотрим подробнее существующие гипотезы о генеалогической принадлежности вышеуказанных языков, чтобы в дальнейшем сравнить с ними полученные в данном исследовании результаты.

Айнский язык. Традиционно включается в палеазиатскую группу языков, которая является лишь географическим объединением неродственных семей (енисейской, чукотско-камчатской, юкагирской и эскимосско-алеутской). Сравнение айнского с другими языками Северо-Восточной Азии (японским и алтайскими) не принесло положительных результатов. Высказывались теории о принадлежности айнского языка к:

– гипотетической дене-енисейской семье, включающей енисейские языки и языки на-дене [5];

– гипотетической аустрийской макросемье [6], включающей австроазиатские и австронезийские, иногда – тай-кадайские и языки мяо-яо;

– другим языкам-изолятам: баскским, бурушаски и т.д. [7].

Кроме того, предлагались следующие направления поиска родственных связей айнского языка: языки американских индейцев, папуасские языки и языки аборигенов Австралии [7].

Нивхский язык. Как и айнский, входит в палеоазиатскую группу языков. Различные исследователи в разное время выдвигали гипотезы о принадлежности нивхского языка к:

– гипотетической евроазиатской макросемье [8], включающей алтайскую, индоевропейскую, уральскую, чукотско-камчатскую, эскимосско-алеутскую семьи, а иногда – дравидийскую и картвельскую;
– тунгусо-маньчжурским языкам [9];
– алтайским языкам [10];
– алконскинской подсемье гипотетической алгской семьи и вакашской семье [11];
– японским языкам.

Бурушаски. Высказываются гипотезы о возможной принадлежности языка буришей к:

– гипотетической сино-кавказской макросемье [12], включающей гипотетические дене-енисейские языки (енисейскую семью и языки на-дене), северокавказские языки (абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую семьи), хуррито-урартские языки, сино-тибетские языки и баскский язык – еще один язык-изолят [13];
– гипотетической семье карасук [14], включающей енисейские языки и бурушаски;
– индоевропейской семье [15].

Шумерский язык. Был открыт и расшифрован в 19 веке, родственные связи шумерского языка до сих пор не выявлены, несмотря на многочисленные гипотезы, относящие шумерский язык к:

– индоевропейской семье – данная гипотеза долгое время превалировала в научном мире, но впоследствии была отвергнута большинством ученых;
– картвельской семье [16];
– дравидийским языкам [17];
– уральской семье [18];
– гипотетической ностратической семье [19];
– сино-тибетской семье [20];
– гипотетической дене-кавказской семье;
– ветви мунда австроазиатской семьи [21].

Эламский язык. Эламский язык не имеет явных сходств с соседними семитскими, индоевропейскими или шумерским языками. Две наиболее популярные гипотезы о родственных связях относят эламский язык к:

– дравидийской семье [22];
– семитской семье афразийской макросемьи [23].

Хаттский язык. Главная проблема классификации хаттского языка заключается в небольшом количестве материала, который может дать информацию о структуре языка. Тем не менее высказывались гипотезы о принадлежности хаттского к:

– гипотетической синокавказской семье [24];
– абхазо-адыгской семье [25].

Корейский язык. Несмотря на то, что корейский является одним из самых распространенных языков в мире, и он изучен лучше, чем все вышеперечисленные языки, установить его родственные связи до сих пор не удалось. Самым распространенным мнением является принадлежность корейского языка к гипотетической алтайской семье языков [26]. Также высказываются теории о принадлежности корейского языка к:

– гипотетической дравидо-корейской макросемье [27], включающей прадравидийский, корейский и японо-рюкюские языки;
– киданьскому языку [28].

Несколько лет назад на материале WALS было проведено исследование [29], целью которого являлось показать, что информация о родстве языков может передавать не только фонетическими, но и грамматическими данными. Используя методы двухкритериальной оптимизации и data mining (т.н. интеллектуального анализа данных), авторы нашли 523 пары структурно максимально близких языков, отвечающих заданным требованиям двухкритериальной оптимизации.

На диаграмме, построенной для всех найденных пар языков, через четыре точки была проведена линия, которая отделила область, включающую только родственные языки, от области, в которую попали, в том числе, неродственные языки, являющиеся структурно максимально близкими. Применение формального метода поиска структурно максимально близких языков к языкам-изолятам из базы данных WALS дало следующие результаты. Из 19 языков-изолятов, имеющих достаточно полное для исследования описание, только одна пара попала в область родственных языков: это тиви, язык-изолят аборигенов Австралии, и маунг, входящий в иватьянскую языковую семью, также один из языков австралийских аборигенов. Эти результаты позволили авторам высказать гипотезу о том, что языки тиви и маунг являются родственными.

Похожее исследование, хоть и не ставившее перед собой целей классифицировать языки-изоляты, было проведено в 2010 г. [30]. Авторы попарно сравнили языки, представленные в базе данных WALS, и определили границу между областью, включающую только пары родственных языков, и областью, включающую пары как родственных, так и неродственных языков.

Главным отличием двух работ стало следующее: в исследовании [30] авторы предположили, что параметры границы остаются неизменными: пара языков должна иметь минимум 81,5% совпадающих значений минимум из 45 признаков. Авторы второй работы [29] считают, что при увеличении числа общих признаков минимальный процент совпадающих значений снижается.

Цель данного исследования – сравнить между собой языки, представленные в базе данных «Языки мира» ИЯз РАН и, основываясь на полученных результатах, подтвердить одну из предлагаемых гипотез о генетической принадлежности языков-изолятов или высказать собственное предположение. Для этого планируется сделать следующее: для каждого языка, представленного в базе данных «Языки мира» ИЯз РАН, попарно со всеми остальными языками будет рассчитано количество совпадающих признаков и процент совпадающих значений. Для дальнейшего анализа будут отобраны только те пары, которые соответствуют критериям, предложенным В. Поляковым, И. Анисимовым, Е. Макаровой [29]:

– количество совпадающих признаков должно быть не менее 25;
– процент совпадающих значений признаков должен быть не менее 65%.

Но в отличие от предыдущего исследования, когда для всех языков было найдено только по одному структурно максимально близкому языку и анализировались только эти пары языков, мы рассмотрим по три пары с наибольшим процентом совпадающих значений для каждого языка (в некоторых случаях для языка возможно больше или меньше пар).

Результаты. Для 173 языков, описанных по признакам из базы данных «Языки мира» ИЯз РАН, было рассчитано количество совпадающих признаков и процент совпадающих значений. Для 13 языков были получены неудовлетворительные результаты, т.е. они не составили ни одной пары, отвечающей заданным параметрам. В это число попали два живых языка: долганский и каракалпакский, но, в основном, это мертвые языки, не имеющие достаточно полного описания:

– кельтиберский;
– галльский;
– лепонтийский;
– булгарский;
– древнеуйгурский;
– старояпонский;
– тюрки;
– хаттский;
– чагатайский;
– камасинский.

Некоторые языки составили меньше трех пар, например, мэнский, сванский, урартский и т.д. Это связано с недостаточно полным описанием этих языков в базе данных, что будет исправлено при дальнейшем пополнении БД. В случае некоторых других языков для анализа было отобрано больше трех пар, так как сразу несколько пар показали одинаковый процент совпадающих значений признака. Например, пары «башкирский – крымскотатарский» и «башкирский – тувинский» имеют 41 совпадающий признак и 78% совпадающих значений.

Итого для дальнейшего анализа было отобрано 464 пары языков. Из них 20 пар являются неродственными языками, что составляет 4,3%. Из исследуемых семи языков-изолятов только три составили пары, подходящие под заданные критерии: айнский, эламский и корейский. В табл. 2 представлены результаты отбора для этих трех языков.

Таблица 2

Результаты расчетов для айнского, эламского и корейского языков

Язык-изолят	Структурно ближайший язык	Кол-во совпадающих признаков	% совпадающих значений
Айнский	Мегрельский	29	68
Айнский	Андийский	34	67
Айнский	Камасинский (м)	38	68
Эламский (м)	Урартский (м)	25	76
Эламский (м)	Казахский	25	72
Эламский (м)	Башкирский	26	65
Корейский	Старописьменный монгольский (м)	63	77
Корейский	Удэгейский	37	72
Корейский	Шумерский (м)	34	70

Примечание. (м) означает, что язык мертвый.

На рис. 1 дан график, иллюстрирующий результаты расчетов. Маркер-квадрат означает пары языков, которые являются родственными. Маркер-круг показывает пары языков, не являющихся родственными. Некоторые пары языков показали одинаковые значения (процент совпадающих значений и количество общих признаков, пары 2, 3, 5 на рис. 1). Маркером-ромбом на графике отмечены

пары, составленные с языками-изолятами: корейским, айнским и эламским. Линия А была проведена через две точки (пары неродственных языков) с наивысшим процентом совпадающих значений признаков. Она разделяет зону только родственных пар языков и зону, включающую пары языков как из одной, так и из разных семей.

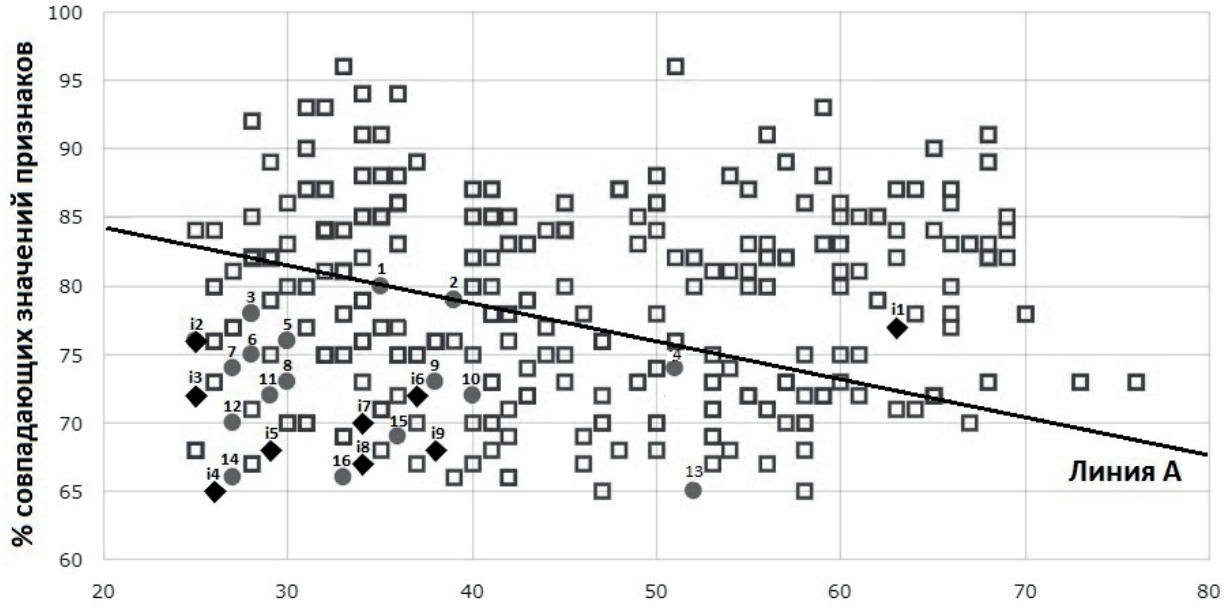
Как видно на графике, только одна пара с языком-изолятом «корейский – старописьменный монгольский» оказалась в зоне родственных языков.

Обсуждение. Попадание пары «корейский – старописьменный монгольский» в область, включающую только родственные языки, позволяет нам высказать гипотезу о принадлежности корейского языка к монгольской семье. Учитывая большое количество приверженцев теории о том, что корейский входит в гипотетическую алтайскую макросемью (включающую среди прочих монгольские языки), можно сказать, что полученный в работе результат не противоречит достаточно общепринятому мнению.

Примечательным также является тот факт, что и вторая пара, составленная корейским языком и имеющая 72% совпадающих значений из 37 признаков, включает в себя удэгейский, который тоже относится к монгольской семье. Кроме того, в предыдущем исследовании [29] структурно максимально близким языком для корейского языка оказался также один из монгольских языков – калмыцкий. Непопадание этих пар (корейский и удэгейский, корейский и калмыцкий) в зону только родственных языков не дает нам возможность использовать их в качестве аргумента в пользу высказываемой гипотезы, однако прослеживаемое сходство корейского языка с различными представителями монгольской семьи позволяет говорить о том, что оно, очевидно, обусловлено, скорее, общим предком, нежели заимствованиями в ходе исторических контактов.

Проведенное исследование показывает, какой вклад сравнение грамматической структуры языков может внести в задачу классификации языков-изолятов. Главным условием для проведения таких исследований можно назвать достаточно полное описание языков в выбранной базе данных. В случае работы с базой данных «Языки мира» ИЯз РАН процент неродственных пар языков сравнительно невысок – 4,3%. Кроме того, как видно на рис. 1, большая их часть сконцентрирована в левой части графика, то есть количество совпадающих признаков не превышает 40 (за исключением пар «эвенкийский – удмуртский» и «хантыйский – дагурский», которые имеют 51 и 52 совпадающих признака соответственно).

Сравнивая базу данных «Языки мира» ИЯз РАН и базу данных WALS как инструмент для подобных квантитативных исследований, можно сказать следующее. Несмотря на большое количество языков, представленных в базе данных WALS, только 20,4% из них имеют достаточно полное описание для проведения квантитативных исследований. Новая, 4-ая версия базы данных «Языки мира», выпущенная в 2020 году, пока включает только 173 языка, но почти все они описаны в достаточной для проведения исследований мере (92,5%). Поиск структурно

1 – баоаньский – казахский
2 – селькупский – ульчский
2 – ульчский – селькупский
3 – баоаньский – огузский X-XI в. (м)
3 – огузский X-XI в. (м) – баоаньский
3 – мегрельский – эвенкийский
4 – эвенкийский – удмуртский
5 – мегрельский – коми-пермяцкий
5 – энецкий – солонский
6 – мегрельский – эвенкийский
7 – лазский – коми-пермяцкий
8 – бацбийский – солонский
9 – орочский – удмуртский
10 – удэгейский – селькупский
11 – классический сирийский (м) – французский
12 – эвенский – мегрельский
13 – хантыйский – дагурский
14 – рутульский – астраханских ногайцев-карагашей
15 – палайский – туркменский
16 – венгерский – фаризанди

i1 - корейский - старописьменный монгольский (м)
i2 - эламский (м) - урартский (м)
i3 - эламский (м) - казахский
i4 - эламский (м) - башкирский
i5 - айнский - мегрельский
i6 - корейский - удэгейский
i7 - корейский - шумерский (м)
i8 - айнский - андийский
i9 - айнский - камасинский (м)

Рис. 1. Результаты расчета структурно ближайших языков
для 173 языков из базы данных «Языки Мира» ИЯз РАН

ближайших языков показал: на материале WALS из 521 пары, удовлетворяющей критериям, 272 (52%) оказались языками, принадлежащими к разным семьям. Из 464 пар языков из базы данных «Языки мира» неродственными оказались только 20 (4,3%). Если бы для каждого языка бралась только одна пара с наивысшим процентом совпадающих значений, то этот показатель был бы еще ниже (5 пар неродственных языков из 160, то есть всего 3%). Из этого можно сделать вывод, что признаки, выбранные для описания языков в базе данных «Языки мира» ИЯз РАН, более точно, чем WALS, передают сходства между родственными языками и различия между языками из разных семей.

Дальнейшие перспективы исследования на материале базы данных «Языки мира» ИЯз РАН заключаются в том, чтобы охватить больший языковой материал. Как было сказано выше, в настоящий момент ведется активная работа по наполнению базы. В ближайшее время в нее планируется добавить следующие семьи и группы: палеоазиатские языки, индоарийские и иранские группы индоевропейской семьи, дравидийские языки и языки манде. Кроме того, планируется улучшить описание уже включенных языков. Мы надеемся, что увеличение объема информации о языках позволит получить результаты, которые дадут возможность высказать предположения о генеалогической принадлежности некоторых языков-изолятов (айнского, эламского, нивхского, бурушаски, шумерского и хаттского).

В качестве заключения отметим следующее. В работе были рассмотрены семь языков-изолятов: айнский, нивхский, бурушаски, шумерский, эламский, хаттский и корейский и существующие гипотезы об их генеалогической принадлежности. Главной задачей исследования стала попытка поиска структурно ближайших языков для вышеперечисленных изолятов с целью подтверждения существующих гипотез или высказывания новой.

В качестве материала для исследования была выбрана база данных «Языки мира» ИЯз РАН, 4-ая версия, выпущенная осенью 2020 года. Парадигмальное представление данных в виде набора признаков и их возможных значений и достаточная степень описания языков делают базу данных удобным инструментов для квантитативных исследований.

Все 173 языка, включенные в базу данных «Языки мира» на момент написания статьи, были попарно сравнены с остальными языками: подсчитано количество совпадающих признаков и процент совпадающих значений. Были отсеяны все пары, не удовлетворяющие критериям: минимум 25 совпадающих признаков и 65% совпадающих значений. Для дальнейшей работы для каждого языка были выбраны по три пары с наивысшим показателем совпадающих признаков.

Было проанализировано 464 пары языков, из которых 20 пар включают языки, относящиеся к разным семьям. Полученные результаты были нанесены на график и по двум наивысшим точкам, означающим две пары неродственных языков, была проведена линия, разделяющая область только родственных языков от области, включающую пары как родственных, так и не родственных языков.

Из 13 языков-изолятов только три составили пары, удовлетворяющие критериям: айнский, эламский и корейский. При нанесении этих результатов на график 8 пар из 9 оказались в зоне, включающей и пары языков из одной семьи, и пары неродственных языков. Тем не менее одна пара «корейский – старописьменный монгольский» попала в зону родственных языков, что позволило нам высказать гипотезу о принадлежности корейского к монгольской семье языков. Косвенным аргументом в пользу этой гипотезы стал тот факт, что и вторая пара, составленная с корейским, включает язык из монгольской семьи – удэгейский. Кроме того, в прошлом исследовании, использующем такой же метод, но другую базу данных – WALS, структурно ближайшим языком для корейского оказался калмыцкий – тоже представитель монгольской семьи.

В качестве дальнейших перспектив работы было отмечено дополнение базы данных «Языки мира» ИЯз РАН новыми языками и более полное описание уже включенных языков. Увеличение объема материала позволит получить новые результаты и высказать гипотезы о других языках-изолятах.

Библиографический список

1. Campbell L. Language Isolates and Their History, or, What's Weird, Anyway? *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2010; № 36 (1): 16 – 31.
2. Blake B. Redefining Pama-Nyungan: towards the prehistory of Australian Languages. *Aboriginal Linguistics 1*. University of New England, 1988: 1 – 90.
3. Moriyo S. *The Accentual History of the Japanese and Ryukyuan Languages: a Reconstruction.* London: Global Oriental, 2007.
4. Поляков В.Н., Соловьев В.Д., Макарова Е.А. *База данных «Языки Мира»: история и перспективы.* Москва, Казань: Институт языкознания Российской академии наук, Издательство Академии наук РТ, 2019.
5. Vajda E.J.A Siberian link with the Na-Dene. *Anthropological Papers of the University of Alaska*. 2010; Vol. 5, New Series: 31 – 99.
6. Bengtson J.D., Blažek V. Ainu and Austric: Evidence of Genetic Relationship. *Journal of Language Relationship*. 2009; № 2: 1 – 20.
7. Akulov A. On the typological characteristics of Ainu language in connection with its possible genetic relationship. *Тиба дайгаку ю:расиа гэнго бунка ронсю (Записки общества изучения языков и культур Евразии университета Тиба)*. 2005; № 8: 141 – 149.
8. Mattissen J. Nivkh. *Facts about the World's Languages.* New York, Dublin: HW Wilson, 2001: 515 – 519.
9. Бурыкин А.А. Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. Лингвистические исследования 1987. *Структура языка и его эволюция*. Москва, 1987: 46 – 54.
10. Цинциус В.И. О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса – является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского). *Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии*. Москва, 1983: 92 – 102.
11. Nikolaev S. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship. *Journal of Language Relationship*. 2015; № 13 (1): 23 – 61.
12. Bengtson J. Some features of Dene–Caucasian phonology (with special reference to Basque). *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL)*. 2004; № 30.4: 33 – 54.
13. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Москва: Институт востоковедения АН СССР, 1984; Ч. 4: 19 – 38.
14. Van Driem G. *The Languages of the Himalayas*. Leiden: Brill, 2001.
15. *Hamp E.P.* The Expansion of the Indo-European Languages: An Indo-Europeanist's Evolving View. *Sino-Platonic Papers. 2013; № 239: 8.*
16. Марр Н.Я. *Избранные работы.* Ленинград, 1933; Т. 1: 217 – 220.
17. Sahala A. *Sumero-Indo-European Language Contacts*. Available at: http://www.ling.helsinki.fi/~asahala/asahala_sumerian_and_pie.pdf
18. Parpola S. Sumerian: A Uralic language. *Language in the Ancient Near East*. Compte rendu de la 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Moscow, 2007.
19. Bomhard A.R., Hopper P.J. Toward Proto-Nostratic: a new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. *Current Issues in Linguistic Theory*. 1984; № 27.
20. Braun J. *Sumerian and Tibeto-Burman, Additional Studies*. Warszawa: Wydawnictwo Agade, 2004.
21. Diakonoff I. External Connections of the Sumerian Language. *Mother Tongue*. 1997; № 3: 54 – 63.
22. Southworth F. Rice in Dravidian and its linguistic implications. *Rice*, 2011; № 4: 142 – 148.
23. Vavroušek P.E. *Jazyky starého Orientu*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2010.
24. Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian language. *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas*. 2009 – 2010; Bd 41: 309 – 447.
25. Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. *История и филология стран Древнего Востока*: III переднеазиатский сборник. Москва: Наука, ГРВЛ, 1979: 26 – 37.
26. Kim C.-W. *The Making of the Korean Language. Center for Korean Studies.* University of Hawai'i, 1974.
27. Clippinger M.E. Korean and Dravidian: Lexical Evidence for an Old Theory. *Korean Studies.* 1984; Vol. 8, Issue 1: 1 – 57.
28. Vovin A. Koreanic loanwords in Khitan and their importance in the decipherment of the latter. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017; № 70 (2): 207 – 215.
29. Polyakov V., Anisimov I., Makarova E. Can Grammar Define Similarity of Human Natural Languages? *American Journal of Applied Sciences*. 2016; Vol. 13, Issue 10: 1040 – 1052.
30. Wichmann S., Holman E.W. *Pairwise Comparisons of Typological Profiles*. Rethinking Universals: How Rarities Affect Linguistic Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 2010: 241 – 254.

References

1. Campbell L. Language Isolates and Their History, or, What's Weird, Anyway? *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2010; № 36 (1): 16 – 31.
2. Blake B. Redefining Pama-Nyungan: towards the prehistory of Australian Languages. *Aboriginal Linguistics 1*. University of New England, 1988: 1 – 90.
3. Moriyo S. *The Accentual History of the Japanese and Ryukyuan Languages: a Reconstruction.* London: Global Oriental, 2007.
4. Polyakov V.N., Solov'ev V.D., Makarova E.A. *Baza dannyh «Yazyki Mira»: istoriya i perspektivy.* Moskva, Kazan': Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii nauk, Izdatel'stvo Akademii nauk RT, 2019.
5. Vajda E.J.A Siberian link with the Na-Dene. *Anthropological Papers of the University of Alaska*. 2010; Vol. 5, New Series: 31 – 99.
6. Bengtson J.D., Blažek V. Ainu and Austric: Evidence of Genetic Relationship. *Journal of Language Relationship*. 2009; № 2: 1 – 20.
7. Akulov A. On the typological characteristics of Ainu language in connection with its possible genetic relationship. *Tiba dajgaku yu:rasia g`engo bunka ronsyu (Zapiski obschestva izucheniya yazykov i kul'tur Evrazii universiteta Tiba)*. 2005; № 8: 141 – 149.
8. Mattissen J. Nivkh. *Facts about the World's Languages.* New York, Dublin: HW Wilson, 2001: 515 – 519.
9. Burykin A.A. Tunguso-man'chzhuro-nivhskie leksicheskie paralleli i istoriya nivhskogo vokalizma. Lingvisticheskie issledovaniya 1987. *Struktura yazyka i ego `evolyuciya*. Moskva, 1987: 46 – 54.

10. Cincius V.I. O roli sopostavitel'noj tipologicheskoj harakteristiki otdel'nyh urovnej yazykovoj struktury pri reshenii voprosa – yavlyaetsya li svyaz' mezhdu yazykami areal'noj ili geneticheskoj (po materialam yazykov tunguso-man'chzhurskih i nivhskogo). *Geneticheskie, areal'nye i tipologicheskie svyazi yazykov Azii*. Moskva, 1983: 92 – 102.
11. Nikolaev S. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship. *Journal of Language Relationship*. 2015; № 13 (1): 23 – 61.
12. Bengtson J. Some features of Dene-Caucasian phonology (with special reference to Basque). *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL).* 2004; № 30.4: 33 – 54.
13. Starostin S.A. Gipoteza o geneticheskih svyazyah sinotibetskih yazykov s enisejskimi i severokavkazskimi yazykami. *Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevnejshaya istoriya Vostoka*. Moskva: Institut vostokovedeniya AN SSSR, 1984; Ch. 4: 19 – 38.
14. Van Driem G. *The Languages of the Himalayas*. Leiden: Brill, 2001.
15. Hamp E.P. The Expansion of the Indo-European Languages: An Indo-Europeanist's Evolving View. *Sino-Platonic Papers*. 2013; № 239: 8.
16. Marr N.Ya. *Izbrannye raboty*. Leningrad, 1933; T. 1: 217 – 220.
17. Sahala A. *Sumero-Indo-European Language Contacts*. Available at: http://www.ling.helsinki.fi/~asahala/asahala_sumerian_and_pie.pdf
18. Parpola S. Sumerian: A Uralic language. *Language in the Ancient Near East*. Compte rendu de la 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Moscow, 2007.
19. Bomhard A.R., Hopper P.J. Toward Proto-Nostratic: a new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. *Current Issues in Linguistic Theory*. 1984; № 27
20. Braun J. *Sumerian and Tibeto-Burman, Additional Studies*. Warszawa: Wydawnictwo Agade, 2004.
21. Diakonoff I. External Connections of the Sumerian Language. *Mother Tongue*. 1997; № 3: 54 – 63.
22. Southworth F. Rice in Dravidian and its linguistic implications. *Rice*, 2011; № 4: 142 – 148.
23. Vavroušek P.E. *Jazyky starého Orientu*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2010.
24. Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian language. *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas*. 2009 – 2010; Bd 41: 309 – 447.
25. Ardzinba V.G. Nekotorye shodnye strukturnye priznaki hattskogo i abhazo-adygskih yazykov. *Istoriya i filologiya stran Drevnego Vostoka*: III peredneaziatskij sbornik. Moskva: Nauka, GRVL, 1979: 26 – 37.
26. Kim C.-W. *The Making of the Korean Language. Center for Korean Studies*. University of Hawai'i, 1974.
27. Clippinger M.E. Korean and Dravidian: Lexical Evidence for an Old Theory. *Korean Studies*. 1984; Vol. 8, Issue 1: 1 – 57.
28. Vovin A. Koreanic loanwords in Khitan and their importance in the decipherment of the latter. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017; № 70 (2): 207 – 215.
29. Polyakov V., Anisimov I., Makarova E. Can Grammar Define Similarity of Human Natural Languages? *American Journal of Applied Sciences*. 2016; Vol. 13, Issue 10: 1040 – 1052.
30. Wichmann S., Holman E.W. *Pairwise Comparisons of Typological Profiles*. Rethinking Universals: How Rarities Affect Linguistic Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 2010: 241 – 254.

Статья поступила в редакцию 11.11.20

УДК 82-193.1

Aglarova Z.M., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of the English Language, Dagestan State University (Makhachkala, Russia), E-mail: lleta2001@mail.ru*
Abdulaeva R.N., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of the English Language, Dagestan State University (Makhachkala, Russia), E-mail: rezeda1973@mail.ru*
Tetakayeva L.M., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of the English Language, Dagestan State University (Makhachkala, Russia), E-mail: lyelya62@mail.ru*
Agalarova R.I., *Cand. of Sciences (Pedagogy), senior lecturer, Department of the English Language, Dagestan State University (Makhachkala, Russia), E-mail: agalarova77@mail.ru*

IMAGINATIVE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *PARADISE* IN THE ENGLISH AND AVAR LINGUOCULTURES. The article examines the key position of the concept of paradise in the English and Avar linguistic cultures. Observations on the compatibility of the word "paradise" have revealed all the variety of its connotations and allowed to model its conceptual fields. It is shown that, being a key concept of the religious picture of the world, the concept of *Paradise* becomes an object of study not only for religious scholars and philosophers, but also for linguists. Various approaches to the consideration of this concept and its place in the linguistic picture of the world have determined its multi-aspect, as well as outlined the prospects for its further research. It is concluded that the imaginative representations of the concept of *Paradise* are determined by its cognitive-propositional features: locality, attribution and determinism. In the Avar conceptual sphere, the image of paradise, according to its substantive and conceptual meanings, is also the embodiment of all the best, the ideal, to which man should aspire. The most prominent such associations are represented in the paremiological picture of the world.
Key words: **paradise, linguoculture, world view, conceptual sphere, lexeme, mythology, core.**

З.М. Агларова*, канд. филол. наук, доц., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: lleta2001@mail.ru*
Р.Н. Абдулаева*, канд. филол. наук, доц., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: rezeda1973@mail.ru*
Л.М. Тетакаева*, канд. филол. наук, доц., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: lyelya62@mail.ru*
Р.И. Агаларова*, канд. пед. наук, доц., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: agalarova77@mail.ru*

ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ *РАЙ* В АНГЛИЙСКОЙ И АВАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В данной статье рассматривается ключевая позиция концепта *«рай»* в английской и аварской лингвокультурах. Наблюдения за сочетаемостью слова «рай» выявили все многообразие его коннотаций и позволили смоделировать концептуальные поля. Показано, что, будучи ключевым концептом религиозной картины мира, концепт *«рай»* становится объектом изучения не только религиоведов и философов, но и лингвистов. Различные подходы к рассмотрению данного понятия и его места в языковой картине мира определили его многоаспектность, а также наметили перспективы дальнейшего исследования. Делается вывод о том, что образные репрезентации концепта *«рай»* обусловлены его когнитивно-пропозициональными признаками: локализованность, атрибутивность и детерминированность.
Ключевые слова: **рай, лингвокультура, картина мира, концептосфера, лексема, мифология, ядро.**

Рай – одно из ключевых понятий в христианстве и исламе, и в каждой из этих религий определяется как место и состояние вечной совершенной жизни (бытия), куда попадают души праведников после завершения земного периода жизни. Исследуя апокрифический образ рая, некоторые философы и историки указывают на древнейшие мифологические пласты, проступающие через библейские тексты с их универсальными для человечества сюжетами [1 – 7]. Так, Н.В. Синявская обнаруживает прототипы многих апокрифических идей в мифологии с ее образами и символикой, что позволяет считать, что в их основе лежат универсальные повествования, которые со временем были адаптированы к христианской истории мира. Функция таких повествований, по мнению Н.В. Синявской, не только в передаче знаний о сотворении мира, но и в сохранении тайного знания о Пути к Раю (исторической прародине, золотому веку), информацией о котором обладали посвященные [7, с. 232].

Конечно, типичный представитель лингвокультуры и носитель религиозной картины мира, как христианской, так и исламской, далек от мифологических истоков и воспринимает рай как место, в которое попадает душа после смерти. Но если рассматривать концепцию рая в каждой из этих религий более детально, то обнаружится масса различий. Мы сравнили содержание изучаемого понятия в христианстве и исламе по трем аспектам: пространственные характеристики, обитатели рая и даруемые в раю наслаждения. Будучи ключевым концептом религиозной картины мира, концепт «рай» становился объектом изучения не только религиоведов и философов, но и лингвистов. Различные подходы к рассмотрению данного понятия и его места в языковой картине мира определили его